

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ МАЙ.

1817.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Славянская Мифологія

или

О богослуженіи Рускомъ въ язычествѣ.

(Окончаніе.)

Яга-баба или просто *Баба-яга* такъ же можеть причислиться къ богинямъ адскимъ. Её предсавляли страшною, сухощавою и огромной величины женщиною съ костяными ногами, въ рукѣ держащею желѣзный пестъ (или палицу), копорымъ она погоняла желѣзную же ступу, въ коей обыкновенно разѣжжала вмѣсто колесницы. По всѣмъ примѣшамъ видно, что въ видѣ такомъ Славяне изображали богиню смерти, или *Парку*, или какуюнибудь адскую *Фурию*; а можеть быть

и всё разрушающаго Сатурна: потому что она (какъ вѣрили) поймавъ челоуѣка толкла его въ своей ступѣ и послѣ пожирала.

Въ Рускихъ сказкахъ всегда ее представляють живущею въ *избушкѣ на курьихъ лапкахъ*, которая стояла къ лѣсу передомъ и которая слушалась путешественниковъ, — если кто скажетъ: *избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ*. Путешественникъ обыкновенно заставлялъ *Бабу-ягу* лежащую на скамьѣ изъ угла въ уголь, носъ въ потолокъ. . Она почувствовавъ движеніе избушки говоритъ: *ою пору Рускаго духу слыхомъ не слыхатъ, видомъ не видать; а нынѣ Руской духъ въ очахъ проявился, — кто ты таковъ?* По большой части путешественникъ былъ какой нибудь Царевичъ; и она давала ему добрыя наставленія для продолженія пути его. Ей еще придаютъ множество стадъ коровъ и овецъ; да сверхъ того молодую и добрую внучку, которая иногда пощивала путешественниковъ молокомъ: изъ сего можно заключить, что она была богиня

земная — начальница надъ лѣсами, русалками и стадами — и при томъ не жестокаго характера.

У Славянъ еще были свои земныя чудовища; а именно:

1) *Полканы*, которымъ приписывали человѣческій видъ до пояса съ руками; а остальное всё шло лошадиное съ чешыря ногами. Они по воображенію Славянъ имѣли чрезвычайную силу и, кажется, во всемъ похожи были на древнихъ Центавровъ.

2) *Сивко бурко*. Подъ симъ именемъ разумѣли они коня невидимаго, — котораго богатыри призывали тогда, когда имъ было нужно. Сей конь всегда являлся по приглашенію слѣдующихъ словъ: *Сивко бурко, вѣщій коурко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой*. По разказамъ, какія онъ дѣлалъ чудеса, надобно думать: что у него были крылья; ибо онъ вспрыгивалъ до оконъ высокихъ теремовъ, такъ что богатырь могъ снимать кольцо съ пальца какой нибудь царицы. Онъ похожъ на Пегаса; но только служилъ не поэтамъ, а рыцарямъ.

3) *Змѣй Горынычъ* представлялся, или воображался съ семью змѣиными головами и съ страшнымъ крокодиловымъ шуповищемъ и хвостомъ. *Горынычъ* можетъ быть онъ названъ по тому, что жилъ въ горныхъ пещерахъ. Дѣйствія его и должнѣи состояли въ томъ, чтобы защищать волшебныя мѣста какъ то: *замки, дворцы* и пр. По разказамъ иначе нельзя было его побѣдить, какъ отрубить всѣ семь головъ разомъ. Но какъ многіе *Иваны Царевичи* сражались съ такимъ змѣемъ и побѣждали его; по изъ сего заключить можно, что *Змѣй Горынычъ* былъ не одинъ.

У нѣкоторыхъ *Славянъ* еще была въ величайшемъ почтеніи богиня *Золотая Бабою* называемая. Истуканъ ея изображался съ младенцемъ на рукахъ, котораго называли ея внучкою. Около истукана нахсдилось множество музыкальныхъ орудій, отъ которыхъ раздавался великій гулъ по храму. Храмъ сей богини стоялъ при рѣкѣ *Обиго*. Ее почитали пророчицею, и получали отъ нея посредствомъ жрецовъ отвѣты на разныя требованія. Предъ нею

столько благоговѣли, что за величайшій грѣхъ почитали пройти мимо храма не принеся какой нибудь жертвы. И естли кто ничего не имѣлъ у себя для принесенія въ жертву; то долженъ былъ вырвать волосъ изъ головы, или изъ плащя своего и принесть ей съ земнымъ поклономъ. Изъ древнихъ можемъ мы сравнить её только нѣсколько съ Аполлономъ пророчествующимъ въ Дельфахъ и начальствующимъ надъ Музами, который можешь быть у Славянъ превратился въ женщину.

У Славянъ такъ же были свои Пенаты и назывались *Домовыми*. Славяне почитали ихъ защитниками домовъ и уважали менѣе, нежели боговъ общихъ. Таковыми можно почестъ *змѣй* или *ужовъ* ими обожаемыхъ, *Кикимору* - бога сна, *Симаергла* или *Селиргла*, *Стриба* или *Стрибога*. О сихъ богахъ, кромѣ имянъ ихъ, болѣе ничего не извѣстно.

Славяне имѣли еще нижней степени боговъ или полубоговъ. *Лѣши* ми называлась у нихъ лѣсные боги или *Сатиры*. Ихъ представляли косматыми съ головы до пояса, имѣющими станъ человѣческой съ

козьими рогами, ушами и бороною; иногда съ козлиными ногами и хвостомъ. Они имѣли неопредѣленную величину: въ лѣсу были съ лѣсомъ ровны, а на лугу съ травою. Ихъ щитали недоброжелателями рода человѣческаго: будто они обходятъ людей въ лѣсу и помрачаютъ память ихъ, опъ чего люди не могутъ найти дороги изъ лѣсу. Имъ же приписывали Славяне свойство эха или *отголоска*, будто они откликаются на человѣческой голосъ и тѣмъ заводятъ въ густому лѣса; а послѣ поймавъ человѣка увеселяющся щекотаньемъ его до тѣхъ поръ, пока онъ испустилъ послѣднее дыханіе.

Русалки значили у Славянъ тоже что *Нимфы* и *Дриады* у Грековъ и Римлянъ т. е. богини водъ и рощей. Имъ приписывали всѣ приятности и красоту женскаго пола. Часто видали ихъ играющихъ при берегахъ озеръ или рѣкъ; а иногда они купались и чесали свои длинные зеленые волосы; иногда качались на вѣтвяхъ большихъ деревьевъ; иногда видали, — что онѣ размахивали на сучьяхъ деревьевъ пряжу, кошую какъ говорятъ

крали у деревенскихъ женщинъ ночью. — Славяне приносили имъ жершву, которая какъ видно состояла въ ниткахъ: ибо и нынѣ еще у нѣкоторыхъ деревенскихъ женщинъ суевѣрокъ естъ обыкновеніе вѣшати небольшой мотокъ нитокъ на спарое какоенибудь дерево.

Кромѣ сихъ боговъ во многихъ мѣстахъ находились еще священные лѣса, Славянами боготворимые, — въ которыхъ подь смертною казнію запрещено было рубить деревья или ловить звѣрей. Мнѣ кажется это было тонкое предвѣденіе полимики для сбереженія лѣсовъ и звѣрей, кои нынѣ часто истребляются отъ пренебреженія сего суевѣрія. Рѣки многія также удостоены были божескихъ почестей и жертвоприношеній. *Танаисъ* или *Донъ* и *Дунай* были въ великомъ почтеніи: многія пѣсни еще и нынѣ въ употребленіи съ именами сихъ рѣкъ. Рѣка *Гиланисъ*, которую Славяне по превосходству называли *Богомъ* или *Бугомъ*, болѣе другихъ была боготворима: къ ней не иначе подходили, какъ съ великимъ страхомъ и брали воду ея съ благоговѣніемъ.

Ломоносовъ думаетъ, что самое названіе Бога произошло отъ имени сей рѣки.

Славяне жившіе на островѣ Ругенѣ воздавали божескую честь озеру Студенцу, которое было среди лѣса. Густота и мракъ пресрѣблыхъ деревъ внушали тамъ священный ужасъ въ тѣхъ, кои приходили поклоняться влажному боже-ству. Оно весьма изобильно было рыбою, которой однако никто ловить не смѣлъ, — и суевѣріе дѣлало тамъ бесполезнымъ всѣ благости природы. На берегу сего озера приносили жертвы, припадали ницѣ и съ усерднѣйшими мольбами черпали изъ него воду. Весною, во время разливія водъ, купали людей въ водѣ сего озера съ великими церемоніями; а ревностнѣйшіе къ вѣрѣ своей изъ благочестія прибѣгали сами и бросались въ воду.

Нѣтъ ни одного народа, который бы не имѣлъ совсѣмъ желанія узнавать будущее свое щастіе и несчастіе, — что Промыслъ вышняго съ великимъ намѣреніемъ ошъ насъ сокрываетъ. Всѣ имѣли своихъ Оракуловъ и гадали о будущемъ. Славяне также различные имѣли способы гада-

нiя, для узнанiя напередъ о будущихъ приключенiяхъ. Самое обыкновенное ихъ гаданiе состояло въ кружкахъ, — у кошорыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная. Сii кружки бросали въ верхъ: когда кружокъ упадетъ вверхъ бѣлою стороною, это было предзнаменованiемъ щастливымъ; въ противномъ случаѣ предвѣщали несчастiе. Когда брошены два кружка, — и одинъ изъ нихъ покажетъ наверху бѣлую, а другiй черную сторону; въ такомъ случаѣ гаданiе предзнаменовало посредственный успѣхъ въ предпрятiяхъ. Различный полетъ птицъ, встрѣча нѣкоторыхъ животныхъ, ихъ крикъ также почитались у Славянъ пророческими предвѣщанiями. Таковыя и подобныя симъ примѣты и по сiе время существуютъ даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ.

Общая всѣхъ народовъ суетность выдумала воздавать благоговѣйныя почести тѣламъ умершихъ. Славяне, какъ люди, имѣли такъ же свои поминки по усопшимъ и составляли великолѣпныя празднества въ честь ихъ, — кошорыя на-

ывались *Тризнами*. Они по смерти родственника своего зарывали тѣло его въ землю и на могилѣ его пили крѣпкій медъ, бѣли различныя кушанья, — при всякомъ кускѣ и при всякомъ стаканѣ поминая имя умершаго. Надъ тѣлами же знаменитыхъ людей насыпали высокій холмъ или *курганъ*, который служилъ вмѣсто великолѣпнаго памятника.

Изъ сего обряда мы можемъ заключить, что Славяне признавали безсмертіе душъ и были признательны къ славѣ и великимъ дѣяніямъ своихъ соотечественниковъ. Они въ сей признательности до того доходили, что нѣкоторыхъ причислили къ обществу боговъ. *Волхвъ* или *Волховецъ* былъ по повѣствованію нѣкоторыхъ сынъ или потомокъ древнѣйшаго основателя Славянскаго народа Князя *Славена*. Онъ славился своею мудростію; подданные почли его волшебникомъ, выдумали объ немъ множество чудесъ и по смерти обоготворили его. *Свѣтовидъ* былъ нѣкогда Княземъ Славянскимъ; и послѣ мы видимъ бога свѣта и войны подъ тѣмъ же именемъ.

Нѣкоторые изъ Славянскихъ поколѣній тѣла умершихъ своихъ сожигали въ кострахъ, а пепель оставшійся и кости полагали въ сосудъ и всё это сберегали съ благоговѣнїемъ.

Ив. Срезневскій.

Р Ъ Ч Ъ,

О необходимости воспитанія
дѣвицъ (*).

Почтеннѣйшее Собраніе!

Нѣтъ сомнѣнїя, что благосостоянїе въ обществѣ живущихъ народовъ зависитъ отъ нравственнаго и политическаго образованія ихъ, — и что чѣмъ болѣе народъ просвѣщенъ, тѣмъ болѣе сила и могущество его возрастаютъ.

(*) Говорена Директоромъ Одесской Коммерческой Гимназіи и Благороднаго Института Надворьямъ Совѣшникомъ Флуки, по случаю торжественнаго открытія Одесскаго Народнаго Дѣвическаго Училища въ 12-й день Марта 1817 года; о чемъ было упомянуто въ Харьковскихъ Извѣстіяхъ.

Мудрые законы отраждаютъ личную безопасность ; отъ нихъ произтекаетъ цвѣтущее состояніе хлѣбопашества, фабрикъ, мануфактуръ, промышленности, торговли и досужства. Все это должно почесть источникомъ народнаго богатства произтекающаго отъ постепеннаго его просвѣщенія, основаннаго на истинной вѣрѣ и благочестіи къ источнику всѣхъ благъ Господу Богу.

Гдѣ законы покровительствуютъ добродѣтели и преграждаютъ путь къ пороку, гдѣ они поощряютъ народъ къ благочестію, гдѣ мрачному суевѣрію прошивуполагаютъ просвѣщеніе, гдѣ наконецъ гражданинъ безопасно покоится подъ сѣнью правосудія ; тамъ и общее благоденствіе въ полной мѣрѣ ощутительно.

Опыты удостовѣряютъ насъ, что человѣкъ рождается весьма слабымъ твореніемъ — безъ малѣйшихъ познаній ; но одаренный душою разумною, способною перенимать, различать, рассуждать, сравнивать и чувствовать, — и одаренный при томъ божественнымъ даромъ слова (предназначеннаго отъ Всевышняго Творца

служить разуму, а самому разуму господствовать надъ словомъ) съ неимовѣрною скоростію получаетъ развитіе своихъ способностей и въ три или четыре года отъ своего рожденія дитя можетъ уже говорить на языкѣ своей матери о предмѣлахъ его окружающихъ и нѣжныя его чувства болѣе поражающихъ. Ученіе человѣка начинается съ его жизни и окончивается вмѣстѣ съ нею. Изъ сего можно извлечь слѣдующую неоспоримую истинну: какъ дитя болѣе обращается съ матерью, нежели съ отцемъ своимъ; то обо всѣхъ предмѣтахъ получаетъ онъ первыя впечатлѣнія отъ матери. Коликой важности и сколь драгоцененъ долженъ быть для человѣчества сей первый отпечатазокъ физическихъ и нравственныхъ понятій дитяти, составляющихъ такъ сказать основаніе будущихъ его склонностей! Слѣдовательно отъ образованныхъ матерей произтекаетъ первое и едва ли не величайшее благо; отъ нихъ первыя сѣмяна благочестія въ юныя невинныя сердца младенцевъ; отъ нихъ научаются дѣти терпѣнію и кротости; отъ нихъ перенимають

они трудолюбіе, послушаніе, воздержаніе, вѣжливость; — крашко сказать отъ нихъ насаждаются добрыя сѣмена благонравія, сѣмяна высокихъ добродѣтелей, сближающихъ человѣка со Всевышнимъ Существомъ.

Такъ, Почтеннѣйшее Собраніе! очевидная истинна необходимости воспитанія дѣвицъ пронула челоуколюбивое сердце просвѣщеннаго и добраго нашего начальника Графа Александра Ѳедоровича Ланжерона. Она внушила усерднымъ и благонамѣреннымъ Гражданамъ Одессы благотворительныя чувства для пожертвованія отъ доходовъ градской суммы на ежегодное содержаніе сего Дѣвичьяго Училища достаточной суммы.

На такое пожертвованіе и на другое значительнѣйшее для улучшенія здѣшней Коммерческой Гимназіи оною думою учиненное Его Сіяшельство изъявилъ свое согласіе; ИМПЕРАТОРСКІЙ Харьковскій Университетъ, утвердивъ съ своей стороны планъ и штатъ сего Училища, предписалъ открытъ оное.

Въ сей день, помощію подаателя всѣхъ благъ Господа Бога и священнымъ именемъ Его Помазанника Благословеннаго АЛЕКСАНДРА Перваго нашего Всеавгустѣйшаго Монарха, торжественно исполняется священный долгъ. Сей достопамятный день наполняетъ чистѣйшею радостію души ваши; ибо открытіемъ сего разсадника наукъ исполнились общія желанія и 12 число Марта 1817 года напоминающее 17 лѣтію мудраго царствованія надъ нами обожаемаго Монарха и 1-е сущесшвованія сего Училища — останется въ Исторіи учебныхъ заведеній нашего отечества незабвеннымъ. Это тѣмъ больше вѣрно, что Дѣвичьихъ Народныхъ Училищъ имѣемъ мы весьма мало; хотя онѣ по мнѣнію моему столь же необходимы, какъ и заведенія для мужескаго пола. Я вижу радость на вашихъ лицахъ, самъ оную чувствую — а по чувствованіямъ моимъ соразмѣряю и вашу.

По долгу званія моего я обращаюсь къ вамъ, милыя невинныя дѣти! Для образованія ума и сердца вашего и чтобъ здѣлать васъ добродѣтельными и полезными членами общества — открыто сіе

Училище. Для достиженія сей спасительной цѣли пошребно съ вашей стороны почтеніе и безусловное повиновеніе къ начальницамъ и попечителямъ вашимъ: ибо съ сей минутой онѣ будутъ заступать мѣсто вашихъ матерей, а Гг. попечители мѣсто вашихъ оцевъ. Вы обязаны такъ же имѣть почтеніе и полное довѣріе къ учителямъ вашимъ, — которые, будучи избраны и утверждены Правительствомъ, въ сей торжественный день дадутъ обѣтъ просвѣщать и руководствовать васъ на путь истиннаго благочестія — на путь добродѣтели. Вы обязаны обратить вниманіе ваше на точное исполненіе училищнаго порядка, — и стараться успѣхами своими въ наукахъ и благонравіемъ оправдать надежду вашихъ родителей и вашихъ покровителей. А съ помощію прилежанія къ изученію преподаваемыхъ здѣсь наукъ приобретете вы и себѣ право на уваженіе, отличіе и награжденіе неусыпно пекущагося объ васъ Начальства.

Позвольте, Почтеннѣйшіе Посѣщители, обратить вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. Домъ занимаемый симъ

Училищемъ есть домъ частный, нанятый на извѣстныхъ условіяхъ; и раноль или поздно должно будетъ переводить сіе Училище изъ дома въ домъ, пока не найдутся способы построить или купить для него въ собственность приличное строеніе.

Ревность и усердіе ваши къ общепользнымъ заведеніямъ неоднократно обращали на себя вниманіе и благоволеніе Правительства. Онѣ дали бытіе и сему заведенію. Нѣтъ сумнѣнія, что сія ревность и сіе усердіе ваши и теперь найдутъ средства къ отвлращенію сего ошущительнаго недостатка.

Примѣръ любви, милосердія и щедротъ показалъ намъ Помазанникъ Божій Благословенный АЛЕКСАНДРЪ Первый, — Который, при неусыпномъ попеченіи о благоденствіи Всевышнимъ Провидѣніемъ ввѣреннаго Ему народа, ежеминутно щасливливъ 50 милліоновъ благоговѣющихъ къ освященной Его Особѣ вѣрныхъ Его подданныхъ. Академіи, Университеты, Лицеи, Гимназіи, Институты и Училища разныхъ степеней по всему Го-

сударству на щетъ казны содержимые и многія другія учебныя заведенія разными сословіями и частными лицами изъ любви къ отечеству открытыя — разпространяють просвѣщеніе не только на вѣрныхъ Его подданныхъ, но и на другіе сопредѣльные пространнѣйшему Государству Его народы.

Удивленная Европа благословляетъ имя безъ мести и корысти Даровавшаго ей миръ и свободу. Но мнѣ ли слабому и недовольно опытному изчислять бѣзмѣрныя ЕГО къ роду человѣческому благодѣянія? Когда безмолвными остаются и вѣтви, славящіяся краснорѣчіемъ, и не находятъ словъ достойно выразить блаженства тѣхъ, — которые удостоидись Высочайшаго ЕГО покровительства!

Мы вѣрные ЕГО подданные, въ ознаменованіе торжественнаго открытія сего Училища, священнымъ именемъ обожаемаго нами Морнаха производимаго — съ чувствами благоговѣнія и признательности вознесемъ молюбы ко Всевышнему о здравіи ЕГО и долголѣтіи.

Путешественныя Записки (*).

Письмо. I.

Изъ Лемберга 10 Юня 1802 года.

БРОДЫ, ЛЕМБЕРГЪ.

Чтобъ любить свое Отечество, надобно его оставить сказалъ нѣкоторый мудрецъ.

Неудовольствія испытанныя въ жизни, стеченіе множества несчастныхъ обстоятельствъ разстроившихъ здоровье мое, а

(*) Сіи Записки суть плодъ четырнадцати-лѣтнихъ путешествій и замѣчаній Россійскаго Дворянина Коллежскаго Ассесора и Кавалера Михайлы Александровича Исакова, — который съ 1802-го до исхода 1816 года, почти непрерывно находясь въ чужихъ краяхъ и въ разныхъ Государствахъ Европы, былъ примѣчательнымъ самовидцемъ всего того, что здѣсь описывается. По желанію Г. Сочинителя Издатели помѣщаютъ сіи свѣдѣнія какъ онѣ суть, безъ малѣйшихъ перемѣнъ. Они надѣются доставить своимъ читателямъ удовольствіе; особливо есльи Г. Сочинитель по обѣщанію своему доставитъ свои технологическія и мануфактурныя записки.

больше всего желаніе умножить познанія свои обозрѣніемъ земель и народовъ иностранныхъ — рѣшили меня предпринять путешествіе въ чужіе края.

Разставшись съ вами, друзья мои! обѣщаль я вамъ излагать на бумагу все какъ приятное, такъ и не приятное понятію моему и чувствамъ встрѣчающееся, — и сообщать вамъ любезнымъ моимъ!

Дамъ волю сердцу:

Съ своими пусть оно безцѣнными друзьями

Что хочетъ говорить!

*Не нужно думать мнѣ; слова текутъ
рѣкою*

*Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ
всей душею.*

25-е Мая былъ день, въ который я оставилъ Россію — и городъ Броды, въ милѣ отъ границы находящійся, будетъ началомъ записокъ моихъ.

Броды есть городъ свободный, при въѣздѣ въ Галицію и владѣнія Римскаго Императора. Жителей въ немъ около 20,000, изъ которыхъ 16,000 жидовъ; а прочія Поляки и Цесарцы. Жида въбѣсно подаши платять со всякаго покупае-

мага ими фунта мяса по 4 копѣйки, да за право зажигаешь болѣе двухъ свѣчъ въ время *Шабаша* нѣсколько копѣекъ. За первую стащью получаешься въ казну 40,000, а за послѣднюю 20,000 флориновъ. Впрочемъ свободны они покупать и продавать все, гдѣ сами желаютъ.

Первый осмотръ экипажа моего, по выѣздѣ за границу, былъ здѣсь. Угрюмый Полякъ, при выѣздѣ въ городъ, приста-
вая спрашивалъ: нѣтъ ли у меня *тютюну*, то есть табаку? Табакъ есть вещь запрещенная въ Римской Имперіи. — Я, не вѣдая сего обычая, молчалъ и ѣхалъ. — Полякъ мой, не вытерпѣвъ, взлезъ на козлы и такимъ образомъ доѣхали мы вмѣстѣ до трактира. Тутъ помирились мы на серебряномъ рублѣ и на бутылкѣ вина. Послѣ чего Полякъ сдѣлался моимъ приятелемъ и служилъ мнѣ. — Вотъ, любезнѣйшіе друзья, каковы деньги! *сила и прелесть оныхъ вездѣ равно велика!*

26 и 27 пробылъ я въ *Бродахъ* за переводомъ пашпорта моего на Нѣмецкой

съ Россійскаго и за надписью онаго, — что стоило мнѣ двухъ червонцевъ.

Дождливое время помѣшало мнѣ видѣть городъ довольно обширный, но безпорядочно выстроенный. Жиль я въ практирѣ, гдѣ всякую минуту принуждёнъ былъ запирались отъ Жидовъ, — которые безпрестанно надѣдали мнѣ приступая, не угодно ли того или чего другаго у нихъ купить? Товары всё дешевы.

Не могу умолчать объ одномъ изъ приятнѣйшихъ и удобнѣйшихъ для путешествующихъ во всей *Польнѣ*, *Галиціи*, *Шлезіи* и *Богеміи* заведеніи — о томъ: что почти во всякомъ практирѣ находится факторъ Жидъ, — который всякаго прѣзжаго требованіямъ обязанъ услуживать, получая за то флоринъ (*) или два въ сушки — смотря по дѣлу.

Сему полезному заведенію обязанъ я въ здѣшнемъ практирѣ встрѣчею фактора Жиды — называемаго Александромъ *Паризеромъ*, говорящаго на нѣсколькихъ

(*) Флоринъ Имперскій имѣетъ Россійскихъ мѣдныхъ и бумажныхъ денегъ восемьдесятъ копѣекъ.

лывкахъ, весьма любезнаго и много путешествовавшаго — имѣющаго одно плаще національное, впрочемъ наружность пре-
выгодную и со всѣмъ не Жидовскую. Онъ полюбилъ меня, вошелъ въ положеніе мое, исправилъ нужды мои, проводилъ меня чрезъ таможенную Цесарскую, — гдѣ грубые Нѣмцы хотѣли было разкрывать сундуки мои; однако же онъ, какъ мастеръ своего дѣла, за нѣсколько флориновъ смягчилъ жестокія сердца строптивыхъ Германцевъ. Ишакъ меня отпустили съ благодарностію неоднократно прималвливая *glückliche Reise*, то есть: *щастливый путь*.

Благодѣшельный Факторъ научилъ меня, какъ иностранца, и наставилъ все-
му: присовѣщевалъ мнѣ вмѣсто почты, ко-
торая весьма дурна въ Германіи, на-
нять фурмана Жида до самаго Карлс-
бада. Шестьдесятъ червонныхъ было
плащою за 5 лошадей, — на которыхъ я
отправился, оставя фактора своего у
таможны при благодарности сопровож-
денной однимъ червонцемъ; сѣлъ въ ко-
ляску, оглянулся на отечественныя по-
ля, вздохнулъ тяжело — и съ милою

памятью о васъ, мои сердечные! пустился далѣе . . .

Итакъ вы видите друга вашего ѣдущаго по прекрасной мостовой каменной дорогѣ называемой *цесарскою*, возвышенной отъ горизонта на одну сажень — и по обѣ стороны обсаженной каштановыми, вишневыми, грушевыми и липовыми спрашной величины и толщины деревьями. Итакъ вы видите меня ѣдущаго чрезъ мѣстоположенія райскія, чрезъ поля подобно садамъ воздѣланныя; въ коляскѣ запряженной 5 ю лошадьми въ огромныхъ шорахъ: двѣ лошади у дышла; на одной сидитъ престарѣлый Полякъ въ длинномъ синемъ кафтанѣ, въ шапкѣ и съ усами — управляя тремя въпереди рядомъ запряженными. Жидъ на козлахъ торжественно сидящій подѣ круглою съ обширными полями шляпою повелительно приказываетъ наемному своему Поляку *лочкай* то есть постой, *вольно* то есть попише. — Такимъ образомъ въ семь удивительномъ экипажѣ я по 10 и 13 миль переѣзжалъ въ сутки — вещь почти невозможная въ Россіи! а и

здѣсь, кромѣ Жидовъ, ни кто сего не можетъ сдѣлать.

Опѣхавши двѣ мили, первый предметъ представившійся глазамъ моимъ былъ опущенный шлагбаумъ. Мы принуждены были остановиться; потчасъ изъ каменной караульни вышелъ въ изорванномъ кафтанѣ инвалидный солдатъ, подошелъ къ коляскѣ и грубымъ голосомъ произнесъ *für den weg*, т. е. за дорогу. Я не зналъ, чего онъ хочетъ; но проворный мой Жидъ скочилъ съ козелъ, далъ ему нѣсколько крейцеровъ, получилъ отъ него печатный билетецъ, спрясалъ въ карманъ, сѣлъ — и въ продолженіи пути нашего разтолковалъ мнѣ: что на всякихъ двухъ или трехъ миляхъ будетъ городъ и шлагбаумъ, на которомъ за всякую лошадь платять по 2 крейцера за дорогу; а въ полученіи дають квитанцію, — которую есть ли потеряешь, то на первомъ шлагбаумѣ заплатишь 5 флориновъ штрафа. Я удивился и пожалъ плечами.

Продолженіе пути моего было благополучно: на другой день приѣхалъ я въ

Аелбергъ — Губернскій городъ Галиціи, разстояніемъ отъ *Бродъ* въ 14 миляхъ.

Тутъ, остановясь въ шрактирѣ, началъ я обѣдомъ, — послѣ котораго вздумалось мнѣ на всякой случай взять другій паспортъ. Я призвалъ фактора и началъ спрашивать: какъ бы это сдѣлать? Ошвѣтъ его меня утѣшилъ; поелику онъ сказалъ, что тотчасъ принесетъ, — и я преспокойно легъ отдыхать въ постелю. Не прошло получаса, какъ возвращается мой факторъ и говоритъ, — что мнѣ нужно самому идти въ полицейскую экспедицію для полученія паспорта. Съ досадою всталъ я, надѣлъ кафтанъ и пустился. Вхожу къ Оберъ-Полицеймейстеру, который весьма учтиво принявъ меня пробормоталъ нѣсколько словъ на Нѣмецкомъ языкѣ, — коего я почти совсемъ какъ сами вы знаете не разумѣю, призвалъ секретаря и велѣлъ написать паспортъ.

Слава Богу! сказалъ я самъ себѣ, вышедъ за Секретаремъ; дѣло сдѣлано. Съ сею спокойною мыслію сѣлъ и ожидалъ окончанія.

Судите же о моемъ удивленіи, когда онъ началъ оглядывать меня съ ногъ до головы и описывать всѣ мои примѣты разспрашивая: сколько мнѣ лѣтъ отъ роду? гдѣ родился? куда и за чѣмъ ѣду? Я чуть было не умеръ со-смѣху отъ странности обряда сего; но узнавъ, что такъ здѣсь водится, принужденъ былъ дожидаться. Описаніе оіе окончанное под-писали и послали меня съ нимъ къ Губернатору для выдачи мнѣ паспорта. Это было въ 5 часовъ послѣ обѣда; присутствія нѣтъ и надлежало дожидаться до 11 часовъ утра на другой день. Насталъ сей ожидаемый день — и церемонія кончилась тѣмъ, что взяли съ меня 5 флориновъ за длинный печатный листъ, съ большою печатью; сказали, что я могу съ нимъ ѣхать куда хочу, заставили меня расписаться въ полученіи и отпустили домой.

Бѣдный шотъ человѣкъ, который никогда не путешествуя попадетъ въ первый разъ въ руки къ Нѣмцамъ! Одни угрюмыя ихъ лица съ ума сведуть; оставя медленность, пустую осторожность и

убивственную точность! Ежели кто мало имѣетъ терпѣнія; потъ лопнешъ съ досады, броситъ все и возвратится домой. — Точно тоже и я хотѣлъ сдѣлать, когда начали меня мучить процедурого о выдачѣ мнѣ паспорта.

Города всего не успѣлъ я видѣть: ибо въ первый день возвратился изъ экспедиціи въ 7-мъ часу вечера; а нынѣ получа паспортъ свой потчасъ хочу ѣхать. Обширность онаго довольно значительна, строеніе прекрасное; только улицы чрезвычайно тѣсны. Толпа жителей дѣлаетъ воздухъ чрезмѣрно густымъ (*); впрочемъ садовъ довольно много, и еще весьма прекрасныхъ — принадлежащихъ частнымъ людямъ. Прощайте!

П и с ь м о II.

Изъ *Праги*, Іюля 22. 1802 года.

Ланкутцъ — Фридекъ — Мглау — Коляменъ — Прага.

Поѣхавъ изъ *Кіева* безъ человѣка и отпустивъ своего домой, долженъ я былъ

(*) Мы думаемъ, что здѣсь должна быть ошибка писца. Пр. Изд.

изъ множества представлявшихся мнѣ здѣсь слугъ выбрать одного Поляка по наружности лучше всѣхъ, которому и плащилъ по 4 червонца въ мѣсяць. Взявъ товарища сего отправился я изъ *Лемберга* 10 Іюня. Не проѣхавъ мили узналъ я: что въ Полякѣ своемъ имѣлъ *Нѣмца*, учителя, балетчика, актера, музыканта, повара, камердинера, лакея и солдата, — а все вмѣстѣ-ничего. Обрадовавшись находкѣ сей подумалъ я, что не будетъ скучно; предполагалъ, что *Лембергскій* мой *Жилблазь* можетъ изъ такого множества характеровъ, избравъ лучший, остаться порядочнымъ хотя въ одномъ изъ оныхъ. Утѣшаясь мыслию сею, рассказами геройскихъ подвиговъ прусливаго воина, — я надѣялся найти въ немъ, ежели не отличнаго служителя, по крайнеймѣ мѣрѣ сноснаго; но, увы! надежда обманчива! Изъ Германца вышелъ почти ничего не разумѣющій по *Нѣмецки*; а изъ актера и учителя — повѣса; изъ воина — прусъ; а изъ камердинера — неряха и шалунъ. Ипакъ разсматрѣвъ добродѣтели сіи, чресъ мѣсяць

съ нимъ въ *Карлсбадѣ* и разстался по
есть я его согналъ, а не онъ меня оста-
вилъ. Но такъ какъ онъ теперь еще
со мною; то и обратимся къ путешествію
моему.

12 прибхаль я обѣдать въ *Ланкутицъ*,
мѣстечко принадлежащее Княжнѣ Любо-
мирской, сестрѣ Князя Чарторыжскаго.
Это была суббота; Жидъ мой долженъ
былъ праздновать свой шабашъ: почему
имѣли мы весьма много свободного вре-
мени,—во весь день должны были только
6 миль переѣхать на пошъ конецъ, что
бы дать между тѣмъ время Жиду насъ
догнать ночью. Желая воспользо-
ваться симъ свободнымъ временемъ, пошелъ
я гулять по мѣстечку; вошелъ въ Поль-
скій костѣль, видѣлъ Капуциновъ бѣ-
лыхъ—по жиру ихъ болѣе похожихъ на
разбойниковъ и тунеядцовъ, нежели на
людей смиренной жизни себя посвятив-
шихъ. — Видъ и состояніе сихъ праздни-
чливыхъ Богослужителей поселили во
мнѣ къ нимъ отвращеніе и сожалѣніе о
злоупотребленіи подобныхъ заведеній....

Сопровождаемый чувством симъ, вошелъ я въ замокъ и садъ Княжны Любомирской. Красота разнообразныхъ деревьевъ, различіе цвѣтовъ и почтенныя по долготѣию своему кашпановыя аллеи — изтребили томныя мысли мои; восхищеніе заступило мѣсто унынія. Прелести, поразившія глаза мои, помирили меня съ свѣтомъ — и я съ удовольствіемъ продолжалъ свою прогулку.

Садъ безподобный! въ срединѣ онаго замокъ странной архитектуры. опворенные двери возбудили любопытство мое; я шагнулъ и — въ первой комнатѣ щедро награжденъ былъ за оное.

Представьте себѣ, любезнѣйшіе друзья! волшебный замокъ, — въ которомъ великолѣпіе, роскошь и утонченный вкусъ обитаютъ. Какое убранство! какая живопись! какія рѣдкости! словомъ очарованіе невыразимое! — Не могу и не умѣю разпространиться на счетъ описанія сего; боюсь перомъ своимъ обезобразить красоту прелестнаго жилища сего, — и для того рѣшаюсь лучше оставить васъ въ недоумѣніи Хозяйка такъ была

мила! она узнавъ, что путешествующій гуляетъ по саду, ея, прислала просить меня обѣдать — или не прикажули я въ садъ принесть себѣ кушанье? — Такое гостеприимство и привѣтливость возхитили меня: но такъ какъ обѣдъ мой былъ уже въ моемъ желудкѣ; то я, поблагодаривъ за предложеніе, пошелъ въ замокъ осмотрѣть комнаты, — которыя всѣ Княжна приказала мнѣ показать. Въ замкѣ я видѣлъ между прочими рѣдкими вещами опличной работы мозаикъ; а въ саду дерево называемое *райскія фиги*, толщиною болѣе четверти аршина въ діаметрѣ, а вышиною болѣе сажени; листья чрезвычайной длины и шириною въ 4 вершка; всякіе 50 лѣтъ на немъ плоды бывають; послѣ чего оно засыхаетъ, но отраслями возраждается. — Осмотрѣвъ все сіе и подаривъ червонецъ за показаніе замка провожающему, а садовникамъ нѣсколько флориновъ — съ сожалѣніемъ вышелъ я изъ сада: больно мнѣ было о Княжнѣ мыслить; ей 60 лѣтъ, около милліона дохода, — а старость почти ни чѣмъ пользоваться не поз-

воляешь. Покой лучшее и почти единственное удовольствіе лѣтъ сихъ! —

Вотъ жребій человѣческой: ежели молодъ, такъ нездоровъ; ежели не здоровъ, такъ недоспашокъ состоянія или иное что препятствуетъ наслаждаться въ полной мѣрѣ жизненными удовольствіями! — Что же жизнь наша? Минута пребыванія въ мѣрѣ семь; одна только минута — и еще толикими горестями оправленная! — Чтожъ остается? — вздохнувъ сказать: *буди благословенна воля Всевышняго!* и — безмолствовать Утомленный симъ горестнымъ размышленіемъ — возвратился я доиой, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ Тьма смутныхъ мыслей сопутствовали мнѣ. — Вы, мои милые! представились глазамъ моимъ, увѣрили меня въ любви и улыбка ваша развѣяла мракъ души моей!

Благодѣтельное воображеніе! будь паки спутникомъ и другомъ моимъ! — Твоею-то силою, сидя теперь въ небранной комнатѣ за кофеемъ своимъ, я созерцаю образъ друзей! Вижу ихъ точно такъ, какъ въ послѣдній разъ видѣлъ; слы-

шу звукъ голоса ихъ и чувствую паки пламенные поцѣлуи дружбы.
Усладительное воображеніе! непусти ни единой чертѣ своей убавиться, доколѣ будущее наше соединеніе не совершится: тогда признательность моя будетъ безконечна!

16-е въѣхаль я въ *Шлезію*, обѣдалъ въ пограничномъ городѣ *Фридекѣ*; изъ окна дома, въ которомъ я остановился, видѣлъ *Моравію* и *Шлезію*. Первая осталась у меня въ лѣвой рукѣ, а послѣднею ѣхаль нѣсколько дней: мѣстоположенія рѣдкія и безподобныя, поля воздѣланныя и хлѣбопашество въ совершенствѣ.

19-е при въѣздѣ моемъ въ *Богемію* обѣдалъ я въ городѣ *Мглау*; тушь присутствовалъ при церковномъ крестномъ ходѣ въ Троицынъ день. Бѣдность, примѣченная въ семъ обрядѣ, дала мнѣ видѣть разницу съ нашими духовными церемоніями—относительно пышности и великолѣпія оныхъ въ Россіи.

21-е. Мѣстечко *Кольменъ* въ 10 миляхъ отъ *Праги* достопамятно по бывшей башаѣ Короля Прусскаго съ Фельдмаршаломъ *Дауномъ*,—который выигравъ

сраженіе, засшавиль Короля ретиrowаться и тѣмъ избавиль *Прагу*. — Домъ, изъ котораго Фридрихъ Великій командовалъ арміею своею, и доселѣ существуетъ; мнѣ случилось обѣдать въ той самой комнатѣ, изъ которой Король разсылалъ повелѣнія свои. — Чего не случается съ человекомъ! Думалъ ли я когда нибудь быть въ одной комнатѣ съ великимъ симъ Монархомъ? Такова судьба наша! . . .

22-е пришель я въ *Прагу*, Губернскій городъ *Богеміи*. У воротъ взяли мой паспортъ и велѣли за нимъ прислать послѣ обѣда. Остановилея я въ трактиръ *Maison Rouge* (*красный домъ*); потъ же часъ принесли изъ полиціи печатный листъ, на которомъ я долженъ былъ написать: кто я таковъ? за чѣмъ и откуда ѣду? сколько отроду лѣтъ? женатъ или холостъ? словомъ — пропастъ глупыхъ запросовъ. (*) Я выполнилъ желаніе суроваго Германца, начертилъ ему всякой небылицы и отправилъ полицейскаго Меркурія домой.

(*) Позволяемъ себѣ замѣтить, что Г. Сочинитель не много излишне жалуется на Нѣмецкій порядокъ.
Пр. Изд.

Отдохнувъ началъ я осматривать городъ и достойное въ немъ примѣчанія. За два гульдена подвезли мнѣ прекрасную на рессорахъ коляску, запряженную двумя добрыми лошадьми въ шорахъ и съ кучеромъ въ ливреѣ. Я сѣлъ и началъ обозрѣвать встрѣчающееся глазамъ моимъ.

Послѣ *Вѣны* *Прага* есть лучшій городъ въ Австріи; строеніе въ немъ прекрасное; шѣсныя улицы наполняются толпою жителей; мостъ чрезъ *Молдаву*, имѣющій болѣе 100 сажень длины, останавливаетъ взоры путешественника. Великолѣпіе почтенное! а видъ съ онаго безподобенъ!

Императорскій замокъ и садъ ничего не значать; въ замкѣ убранство самое умѣренное и имѣеть оппечашокъ недостатка. Лучшее есть то, — что изъ окошекъ весь старый городъ виденъ, какъ на ладонѣ и картина прекрасная!

Наружность замковъ Эрцгерцога, Архіепископа, Графа Лобковича и многихъ другихъ знашныхъ особъ не много общающъ. Внутренность оныхъ я не могъ и не имѣлъ времени видѣть.

Изъ достопамятнѣйшихъ зданій въ *Прагѣ* нашель я въ замкѣ Императорскомъ церковь Св. Венцеслава, въ кошой и мощи Св. *Неломука* почиваютъ. Древняя Готическая архитектура безподобна! Внутренность храма украшена великолѣпною серебряною ракою надъ мощами Св. *Неломука* и множествомъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь знаменитыхъ по дѣянїямъ людей. Живопись на иконахъ рѣдкая!

Письмо III.

Изъ *Теллицъ* 16 Сентября 1802 года.

Карльсбадъ — Шенгофъ — Теллицъ.

Короткое время пребыванїя моего въ *Прагѣ* лишило меня удовольствїя видѣть подробнѣе городъ и окрестности его. Однако же могу сказать, что положенїе мѣста прекрасно; а больше всего украшается водою *Молдавы*, которая омывая берега онаго раздѣляетъ новый городъ отъ стараго. Хотя и жаль мнѣ было; но, поспѣшая къ мѣсту

пеперешняго пребыванія моего, долженъ я былъ разстаться съ *Прагою* 23 число и на третій день переѣхавъ 16 миль прибылъ сюда.

Представъше себѣ, любезнѣйшіе друзья! цѣпь высокихъ горъ покрытыхъ густымъ, зеленѣющимъ сосновымъ лѣсомъ, — сквозь который прорѣзываются дикія, кремнистыя скалы; а у подошвы сихъ разнообразно извивающійся быстрый *Телель*. Между сими такъ сказать ущелинами сидитъ знаменитый по цѣлебнымъ водамъ своимъ *Карлсбадъ*. Подъѣзжая къ нему съ ужасной горы, нельзя себѣ представить такихъ райскихъ мѣстоположеній. Набережная *Віезы*, украшенная съ одной стороны каменными домами въ три и четыре этажа, а съ другой противной стороны лавками и каштановыми деревьями — составляетъ лучшую часть города. На ней почти всѣ приѣзжающіе останавливаются. Второй и третій этажи всякаго дома занимаются жильцами; а въ первомъ находящаяся лавка, — въ которыхъ вы можете достать все, что вамъ угодно.]

По окончаніи утренняяго пиція водѣ, возвращаются отъ источниковъ; а гуляя по набережной *Виссы* приходятъ въ прекрасную и довольно обширную липовую рощу называемую *Богемская аллея*, въ которой и завтракають. Въ 6 часовъ по полудни туше собираются и начинаютъ гулять. — Отъ рощи сей, между горъ, сдѣлана мощенная дорога съ одной стороны примыкающая къ самому *Телелю*, а съ другой къ ужаснымъ скаламъ, — и такимъ образомъ продолжающаяся до бумажной фабрики и далѣе до деревеньки, называемой *Галеръ*, разстояніемъ отъ *Карльсбада* въ одной милѣ. Ежеминутно перемѣняющіеся видѣ, по сторонамъ разсѣянные домики, изпещренныя цвѣтами долины и путь безпрестанно покрытый гуляющими красавицами — умножаютъ прелесть очаровательнаго мѣстоположенія сего. Множество еще другихъ отдаленныхъ дорогъ ведутъ на прекрасные холмы, съ которыхъ можно видѣть верстъ на 20 въ окружность. Между прочими есть дорога ведущая къ храму, — который Англійскій Лордъ *Финт-*

ледеръ, полюбивъ *Карльсбадъ*, велѣлъ по-
строить и прислалъ на издержки строенія
и дороги сей 12,000 гульденовъ. Высокія
и долготѣнныя сосны, осыняющія священ-
ное сіе убѣжище, — защищающъ посѣпите-
ля отъ зноя солнечнаго, поселяющъ въ
немъ удивленіе смѣшанное съ ужасомъ и
требующъ себѣ почтенія отъ каждаго со-
зерцателя. Видъ изъ храма ни съ чѣмъ
сравниться не можешь: совершенное оча-
рованіе!

Съ другой стороны *Карльсбадъ* обмы-
вается водами *Телеля* и *Эгры*, въ кото-
рую первый и впадаетъ. Виды окрестностей
тамошнихъ хотя и дики; но прекрасны и
возхищительны. Ужасныя деревья въ от-
даленности на одной сторонѣ образу-
ющъ природныя храмы для убѣжища по-
сѣпителей; съ другой страшныя горы —
частію покрытыя зеленѣющимъ кустар-
никомъ разнообразно растущимъ — одѣ-
вають дикія скалы оставляя мѣста, — въ
которыхъ съ высокихъ горъ стремящіяся
источники быстрымъ паденіемъ своимъ
уже измыли величайшія ущелины. У подош-
вы оныхъ стропливая *Эгра* полагаетъ

предѣлы горамъ и доставляетъ зрителю на противной сторонѣ приятнѣйшія картины разсѣянныхъ деревень, тучныхъ полей и богатою зеленью покрытыхъ луговъ.

Къ беззодобнымъ симъ мѣстамъ прибавьте цѣлительныя воды, прекрасное общество въ продолженіи четырехъ-мѣсячнаго времени; прибавьте почти ежедневныя публичныя и частныя балы, театры, пикники, гулянья, приятную — безпечную и мирную жизнь; — и вы тогда повѣрите, что *Карльсбадъ* есть мѣстопребываніе весьма приятное.

Источниковъ минеральныхъ въ *Карльсбадѣ* находится пять:

Первѣйшій изъ оныхъ называется *Шпрудель*, по которому толь знаменитыя воды сїи; открытіемъ своимъ обязанъ онъ въ 1319 году, какъ сказывается преданіе, Императору Карлу IV, — который тогда ѣздилъ за охотою въ здѣшней справѣ. Олень, преслѣдуемый собаками, бросился въ источникъ сей; почему и былъ онъ примѣченъ. По сей-то самой причинѣ та скала, изъ которой *Шпрудель*

извергается, и доселѣ называется *Hirschprung* то есть *Олений скокъ*; а *Карльсбадъ* получилъ наименованіе свое отъ сего же Императора Карла, который сидѣвъ въ ваннѣ изъ здѣшнихъ водъ, назвалъ городъ сей *Карльсбадъ* то есть *Карловы ванны*. Теплоша *Шпруделя* въ самомъ источникѣ 59, а гдѣ пьютъ воду 58 градусовъ.

Свойство воды всѣхъ источниковъ одинаково; они различаются только количествомъ минеральныхъ частицъ и своею теплошю.

2-й *Новый источникъ*; имѣетъ теплошы 50 градусовъ.

3-й *Источникъ мѣльницы* въ 46 градусовъ теплошы. Императрица Марія Терезія построила у него прекрасный домъ, внизу котораго ванны; а вверху комнаты для стола, гдѣ и кушанье получать можно.

4-й *Садовый источникъ*, теплошю въ 45 градусовъ.

5-й *Источникъ зажа* до $40\frac{1}{2}$ градусовъ простирается теплошы.

При всякомъ изъ источниковъ сихъ сдѣлана превеликая галлерей для ненастья

и площадка, украшенная разными деревьями, для хорошей погоды. Приѣзжающіе гуляя пьютъ воду: по двѣ женщины сидятъ у источника и наливаютъ воду въ спаканы; музыка играетъ, — и такимъ образомъ, отъ 5 часовъ до 9 утра, мѣста сіи наполнены гостями. Безпрестанно новыя лица и новыя знакомства сокращаютъ время. Послѣ окончанія питья водъ черезъ часъ завтракаютъ или въ *Богемской аллеѣ*, или у себя. Въ часъ по полудни обѣдаютъ, въ четыре начинается гулянье; въ 6 часовъ театръ; концертъ или балъ оканчиваютъ день; послѣдующій возобновляется подобнымъ же сему порядкомъ. Четырехъ-недѣльное время питья водъ кажется пролетаетъ столь быстро, — что не только скуки, но и самага шеченія времени замѣнить невозможно.

Воды сіи вообще раздѣляютъ, разводятъ и изцѣляютъ продолжительныя лихорадки, каменную болѣзнь, всякія зашвердѣлости, облегчаютъ подагру и многіе иные недуги.

Теплоту *Шлруделя* не всякій можеть выдержать: онъ причиняетъ ужасныя головныя боли, жаромъ своимъ сжимаемая внутренность; и для того первыя недѣли начинаютъ *Новыя источники*, а потомъ уже и до *Шлруделя* доходящъ.

Точно тоже и мнѣ вѣрно было едѣлать.

Люди тучнаго сложенія пьютъ отъ 10 до 30 стакановъ; я однакоже болѣе двенадцати не пилъ. На семь количествъ дѣйствіе воды открылось, и я симъ числомъ довольствуясь продолжалъ и кончилъ; бралъ при томъ ежедневно изъ той-же воды ванны въ 30 градусовъ теплоты.

Вопъ вамъ, мои милые друзья! и описаніе *Карльсбадскихъ* источниковъ! — Ежели оно дурно; шакъ извините: усердія было много, а за умъ не отвѣчаю.

Проживъ довольно времени и денегъ въ *Карльсбадѣ* и не получивъ ни малѣйшаго облегченія въ здоровьѣ своемъ, рѣшился я наконецъ оставить оный — и 3 Сентября переѣхавъ въ *Теллицъ* въ 13 миляхъ отъ *Карльсбада* находящійся.

Подвозящъ коляску, получаю письма отъ васъ, мои сердечные! разпечашиваю, вижу, что вы благополучны; благословляю участь мою — и пускаюсь въ дорогу.

На пущи моемъ удалось мнѣ видѣть дачу Графа Чернина, называемую Shoenhoff, то есть: *прекрасный замокъ*. Подлинно что прелестное мѣсто! — Садъ прекрасный; въ ономъ, между многими хорошими положеніями и растѣніями, нашель я удивительный мостъ и Готическій храмъ, — съ поверхности котораго видѣлъ я въ окрестностяхъ 40 деревень и 3 города. — Картина рѣдкая! Вы можете быть примете сіе за сказку; но, божусь вамъ, это правда!

На осмотръ сада и всего въ немъ примѣчательнаго употребилъ я сутки, послѣ которыхъ отправился въ Теплицъ. Въ дорогѣ имѣлъ ту неприятность, — что на всякихъ двухъ миляхъ Нѣмецкіе почтари требовали, дабы я позволилъ имъ мазать коляску мою: поелику за сіе они должны получать по 20 копѣекъ, что называется Schmer-geld. Но я не позволилъ этого, принужденъ былъ ошкупаться день-

тами; а потому и могъ не болѣе 8 миль или 56 верстъ Россійскихъ переѣхать въ щѣлые сушки и по съ великимъ трудомъ и безпокойствомъ. Дорога скверная, почта негодная, почтари грубіяны! — Тутъ же я вспомнилъ Россійскую почту, какая разница! — Но какъ бы то нибыло, а я уже здѣсь! Въ надеждѣ получить изцѣленіе, сдѣлался водожителемъ; сажусь по два раза на день въ ванны и въ теченіи времени сообщу вамъ подробности города, водъ, жизни моей, здоровья и упражненія. Дешолѣ прощайте, мои милые друзья! Вручаю васъ Богу, обнимаю душевно, заклинаю дружбою и родствомъ помнить и любить меня.

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,

а) ПРОЗА.

Святогорскій Монастырь (*).

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ.)

Rex est, qui nihil metuit;

Rex est, quiq̃ue capit nihil:

Hoc regnum quisque sibi dat.

Seneca tragicus.

Многіе знакомые—и между ними набожницы особенно—столько чрезвычайнаго наговорили мнѣ о Святогорскомъ монастырѣ, что я наконецъ рѣшился итти туда самъ и лично удостовѣриться въ истиннѣ ихъ разказовъ. Подъ селомъ Богородичнымъ, гдѣ переправа черезъ Донецъ шихо катящій зеленоватыхъ свои волны, находится пространныя равнина: она какъ будто нарочно обсажена деревьями, — кои составляютъ приятную и разнообразную прогулку, на подобіе Аллей;

(*) Находящійся Слободско-Украинской Губерніи въ Изюмскомъ Уѣздѣ.

сей видъ однакожь ограничивается почти всюду лѣсомъ и горами, — при переправѣ черезъ Донецъ подѣ селомъ только прерывается цѣпью мѣловыхъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Вся эта дача упраздненнаго Монастыря принадлежитъ теперь племяннику покойнаго С. К. П-на. Я обходилъ и осматрѣлъ всѣ вообще мѣста оной — и ни одно изъ нихъ не соотвѣтствовало моему ожиданію; потому что, при обзорѣннѣ красота природы около Монастыря, мое воображеніе — сей великій волшебникъ во всякое время и во всякомъ возрастѣ — не пылало какъ у набожницъ при ихъ разказахъ. Но кромѣ того — мнѣ удавалось видѣть лучшія мѣста, нежели это, въ разныхъ путешествіяхъ по Россіи; а и сего еще болѣе — на мнѣ исполнилась та истинна: что самый Чатырдагъ не изумляетъ жителя Альпійскихъ горъ, между тѣмъ какъ небольшой пригорокъ или высокой холмъ приводитъ въ удивленіе обитателя необозримыхъ равнинъ. Въ самомъ дѣлѣ Выдубецкій монастырь подѣ Кіевомъ, Мгарскій подѣ Лубнами и прежній Ах-

тырской надъ Ворсклою понравились мнѣ болѣе, — чѣмъ Святогорскій. И лъзяль не повторить: часто слава прубить о дальныхъ дѣянїяхъ и льстивые краснописцы возвышаютъ до небесъ похвалами игру какую-нибудь своенравнаго щастїя (*); а дѣла скромной добродѣтели остаются въ неизвѣстности! Горы въ деревнѣ Маякахъ болѣе занимали мое вниманїе, чѣмъ Святогорскїя: шумъ отъ мѣльницъ, ревъ волнуемаго и пѣнящагося Донца, мысль, — что спавка Петра I-го стояла нѣкогда на хребтѣ сей горы — возвышаетъ очаровашельность сихъ живописныхъ мѣстъ. Но поѣздка моя въ Святогорскій монастырь съ почтеннымъ и любезнымъ семействомъ А. Д. Соболева была не совѣмъ же бесполезна и неприятна: къ усугубленїю веселья нашего немало способствовала ярмонка собирающаяся подъ упраздненнымъ симъ монастыремъ 15-го

(*) Форшуна только лишь играетъ,
Любуясь дѣломъ рукъ своихъ;
И жребїй щастїя бросаетъ
То на меня, то на другихъ.

Гораций. пер. Срезневскаго.

Августа. Разнообразное зрѣлище народнаго множества, дѣятельность торгующихъ, видъ шатровъ и лавокъ подъ сѣнью столѣбныхъ дубовъ, веселье и пляски прѣстололюдиновъ, любопытство зрительей — все это придаетъ не мало прелестей сему уединенному мѣсту и дѣлаетъ разительнѣе красоты его природы. Ярмонка нынѣ не столь важна, какъ при существованіи монастыря; чему дивиться? цѣлительныя воды, не бывъ подвержены конечно стольже частымъ перемѣнамъ какъ прочія дѣла рукъ человѣческихъ, испытываютъ однакожъ и онѣ коловратную судьбу своенравной моды.

Вошедъ въ пещеру, изкопанную не извѣстно мнѣ кѣмъ и когда, я былъ объятъ какимъ-то ужасомъ и какою-то чудною связью идей: мнѣ показалось, — что я перенесенъ въ тѣ страшныя Пошозійскія бездны, изъ коихъ несчастные добываютъ металлъ подобно огненной рѣкѣ разливающейся по свѣту и часто потребляющей корень прямого счастья; я вспомнилъ тѣ подземелья, куда древніе Римляне въ наказаніе заключали своихъ

злополучныхъ невольниковъ; пришли мнѣ на мысль и тѣ находившіяся въ зубчатыхъ рыцарскихъ замкахъ темницы, — гдѣ помились несчастныя жертвы насилія, суевѣрія, изувѣрства, мщенія и безчеловѣчія; и гдѣ жизнь ихъ угасала среди вздоховъ, слезъ и отчаянія! Смотря на слабый свѣтъ, индѣ проникающій въ пещеру сквозь разсѣлины горы, я думалъ еще и о тѣхъ временахъ собственной моей жизни: когда я блуждалъ въ лабиринтѣ заблужденія, — гоняясь за ложными призраками и пустыми тѣнями исчезавшими въ ту минуточку, какъ я хотѣлъ ихъ схватить. Такъ-то часто и всѣ ослѣпленные человѣки, — переходя отъ одного ложнаго удовольствія къ другому, будучи всегда волнуемы, всегда ненасытны и всегда недовольны, — достигаютъ конца жизни среди мучительныхъ безпокойствъ и разкаянія! — Желая освободиться отъ разныхъ неприятныхъ ощущеній — я радовался вышедъ на свѣжій воздухъ, который глошалъ съ жадностію и смотрѣлъ съ восхищеніемъ на свѣтъ. Пещера оканчивается церковью, выстѣненною въ мѣловой

горѣ; а къ церквѣ по угламъ придѣланы башенки. Я любопытнымъ окомъ смотрѣлъ на окрестныя мѣста, гдѣ природа разослала множество красоть и богатствъ; но я со вздохомъ повторялъ: это не мое отечество, которое безъ всякаго пристрастія еще прекраснѣе сихъ мѣстъ! Сладостныя и вмѣстѣ горестныя чувствованія стѣсняли меня при возпоминаніи объ отечественной горѣ Монбарѣ, (названіе конечно отъ Бардовъ нѣкогда тамъ обитавшихъ) устьянной во время весны благовонными цвѣтами Анемона немороза. Какъ наша пеклась о любви къ отечеству! Ея уставы священны и неизмѣняемы: мы сіе чувствуемъ живѣе въ старости, какъ будто бы природа всегда хочетъ сблизить нашу могилу съ колибелью.

Облокоотясь на пенъ изсохшаго дерева, я уже не смотрѣлъ на окружныя мѣста и пробывъ нѣсколько времени въ сладкомъ забвеніи — пока звонъ церковнаго колокола и зовъ спутниковъ разбудили меня отъ мечтанія. Инакъ всѣ великолѣпныя картины живописной природы заимствуютъ обворожающую насъ пре-

лестъ отъ возпоминаній и другихъ нравственныхъ причинъ! — Мы спустились съ горы внизъ; тамъ Святогорская пещера раждаетъ понятіе о терпѣннѣи и великомъ трудѣ, которое преодолено временемъ и постоянствомъ. Я не могу угадать причины побудившей соорудителей къ сему подвигу. Естественнѣе думать, что сія пещера была высѣчена въ горѣ для безопасности и сокрытія богатствъ во время Татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть что церковь, бывъ прежде закрыта отъ взоровъ дремучимъ лѣсомъ, служила вмѣстѣ храмомъ и башнею, — откуда наблюдаемы были движенія хищныхъ Татаръ. Но оставимъ сіи изслѣдованія ученымъ; для меня довольно и возпоминанія о щастливой эпохѣ. Дѣйствительно — день былъ прекрасенъ, воздухъ тихъ и свѣжъ, небо чисто, солнце сіяло ярко — какъ будто радуясь нашему благополучію. Такъ надежда — свѣшило утѣхъ должна всегда сіять передъ нами. Она должна насъ вести по безчисленнымъ стезямъ свѣта: только не земная надежда подобная прелестницамъ, кои очень до-

рого продають иногда скоротечныя и пагубныя свои пріяштва.

Я обѣдалъ у Г-на Управителя въ гостинной прежнихъ Игуменовъ. Весь домъ, уже не служащій той цѣли — для которой онъ былъ построенъ, представляетъ поразительную противоположность его прежняго состоянія съ нынѣшнимъ; но пещера, какъ памятникъ, въ томъ же видѣ переживаетъ еще многихъ помѣщиковъ и управителей! — Преподобный Феофанъ былъ послѣдній игумень въ семь Монастырѣ. Я не знаю, справедливъ ли слухъ, будто онъ оставилъ послѣ себя много денегъ. Жаль! На что монаху богатство? „Зане глаголеши, яко богатъ есмь и обогатихся и ни что же требую; и не веси, яко ты еси окаянень, и бѣдень, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ, — вопъ истинное изображеніе внѣшняго существа нашего, повторенное очень къ спашу Жонсономъ Гаррику въ его загородномъ домѣ! И вопъ что обыкновенно, хотя и странно, дѣлаетъ смерть намъ горькою! Я сказала странно — и свидѣтельствуюсь Жанъ Жакомъ, — кошорый не на бѣдность, а

на богатство смотря сътоваль: „не могу, говоритъ онъ, долго смотрѣть на дворецъ безъ того, — чтобы не впасть въ глубочайшее уныніе.,, (*) Свидѣтельствуюсь и опытами нашей жизни, и сужденіями о ней здраваго разсудка: что она такое? вѣчная борьба, или торговля; не всегда приходятъ червонцы, — бываютъ и убытки. У многихъ жизнь заключается въ вѣчной службѣ другимъ; и не рѣдко служащіе веселятся тогда, — какъ ими повелѣвающіе посягаютъ, жалуются и ропщутъ. На чтожь желать себѣ съ богатствомъ — унынія? на что печалиться въ бѣдности, которой веселіе не есть противникъ? —

Я смотрѣлъ съ завистью и вмѣстѣ съ удовольствіемъ на плясавшихъ поселянъ во время ярмонки. Я справедливо думалъ, что Судьба награждаетъ насъ за труды; напротивъ Она наказываетъ того, кто все хочетъ имѣть даромъ. Нарушеніе уставовъ Ея сопровождается скукою, уныніемъ и томленіемъ. Я самъ

(*) Je n'ai jamais pu considerer longtems un Palais, sans tomber dans la plus profonde mélancolie.

жилъ въ палапахъ; и сколько разъ видѣлъ, что тамъ къ богатству не всегда идутъ по розамъ! Сколько дѣлають пожертвованій для приобрѣтенія наружнаго уваженія — и часто на счетъ собственнаго и домашняго щастія! Многіе чувствуютъ это изъ богачей; но имъ бы хотѣлось и самимъ собой наслаждаться, и свѣтомъ: а этого-то здѣлать и нельзя, чтобы кто ни говорилъ и какъ бы о томъ ни старался!

Лучше всего держаться природы и своего сердца, и дѣлать себя и щастіе свое какъ можно меньше зависящими отъ другихъ, — не выходя однакожъ за границы общежитія въ мрачныя пустыни эгоизма. Лучше думать съ Флаккомъ, что спокойствіе не покупается золотомъ. Пишупъ, что Августъ купилъ перину одного Римскаго кавалера, который имѣлъ на себѣ милліонъ долгу — и спалъ на ней спокойно. Не перина вѣрно, а безсовѣстная безпечность должника усыпляла его въ беззаботности на перинѣ. Лучше, при соблюденіи правилъ прудолюбія и умѣренности, полагаться на благость Божія про-

мысла. Лучшая мудрость — есть чистота помышлений и намѣреній, истина словъ и правота дѣлъ!

Ничто столько не успокоиваетъ въ насъ кровь, какъ доброе дѣло, — сказала Лабрюйеръ (*). Свѣшкая мудрость, безъ отношенія къ нравственности и религiи, по словамъ Англійскаго Луціана Докшора Свифта, — есть пустой орѣхъ: онъ можетъ стоить иногда зуба, а за трудъ плашится всегда гнилью. Человѣку ли, сему сыну вѣчности, основывать свою надежду на тлѣнности и ничтожествѣ? Истинное просвѣщеніе происходитъ отъ Бога и къ Нему возвращается; ибо просвѣщеніе, которое не устремляется къ вышнему Властелину неба и земли, приноситъ горкіе и пагубные плоды. Какъ справедливо и прекрасно говорить Г-жа де Севинье: (**)

(*) Rien ne rafraîchit tant le sang qu'une bonne action.

(**) Il me faut l'Auteur de l'univers pour raison de tout ce qui arrive; et quand c'est à lui qu'il m'en faut prendre, je ne m'en prends plus à personne. Qui m'ôteroit la vue de la Providence, m'ôteroit mon unique bien; et si je croyois qu'il fût en nous de disposer des évènements, je ne penserois pas à trouver un moment de repos.

„я должна искать причины всего случающегося—въ волѣ Творца вселенной; и когда нахожу ее въ Немъ, — то ни къ кому больше уже не обращаюсь. Кто скроешь отъ меня Провидѣніе, тошъ опнимень у меня единственное благо; и естли бы я вѣрила, что располагать произшествіями соспѣтъ въ нашей волѣ, — то отчаялась бы имѣть и на одну минуту спокійствіе.,,

Ив. Вернетъ.

Изюмъ,
25 Августа 1816.

Оеодосій и Констанція.

Констанція была благоразумнѣйшая и прекраснѣйшая изъ дѣвицъ; но весьма несчастливая своимъ ошцомъ, — который, приобрѣвши своими собственными трудами великое богатство, ни въ чемъ не находилъ себѣ больше удовольствія — какъ только въ деньгахъ. Оеодосій молодой человекъ былъ младшій сынъ срединной приходившей въ упадокъ фамилии: онъ имѣлъ отъ природы великій умъ,

усовершенствованный еще болѣе ученѣмъ. На двадцатомъ году Θεодосій познакомился съ Констанціею, которой не было еще и пятнадцати лѣтъ. Живши недалеко отъ дому ея отца, онъ имѣлъ случай ее часто видѣть. Его красивая наружность и приятное обхожденіе столь сильно впечатлѣлись въ ея душѣ, что время не въ состоянїи уже было ихъ изгладить. Θεодосій самъ не менѣе былъ плѣненъ Констанціей. Чѣмъ тѣснѣе они знакомились, тѣмъ болѣе другъ другу нравились; взаимная ихъ склонность постепенно увеличивалась и имѣла влїянїе на всю ихъ жизнь. Но въ это самое время между ихъ родителями произошла сильная неприязненность: одинъ чрезмѣрно гордился своимъ произхожденіемъ, другій своимъ богатствомъ; и отецъ Констанціи столько ожесточился противъ Θεодосіева отца, — что возненавидѣлъ сына, не велѣлъ его пускать къ себѣ и дочери строго запретишь съ нимъ видаться. А чтобъ прекратить между ними всякое сообщеніе (ибо онъ зналъ, что они надѣялись при благоприятномъ случаѣ сое-

диниться) и въ томъ вѣрнѣе успѣть; — онъ нашелъ молодаго человѣка съ хорошимъ состоянiемъ, приятною наружноснiю и назначилъ его супругомъ своей дочери. Устроивъ такимъ образомъ это дѣло, онъ объявилъ Констанцiи свое намѣренiе — выдать ее за сего молодаго человѣка; и даже назначилъ день, когда долженъ совершиться ихъ бракъ. Констанцiя, не желая пропивиться своему родителю, съ покорноснiю и молчанiемъ выслушала сіе предложенiе; — это ему понравилось. Но вѣсть о семъ дошла и до Θεодосiя, — который послѣ долгаго волненiя души, бывающаго въ подобныхъ обстоятельствахъ, написалъ слѣдующее къ Констанцiи письмо.

„Мысль о моей Констанцiи въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ составляла всемогущее; но теперь она такъ для меня мучительна, что я не въ состоянiи перенести ее! Неужели я долженъ жить для того, чтобы видѣть тебя супругою другаго? Рощи, поля, луга, — гдѣ мы съ тобой столько часто разговаривали, для меня ужасны! самая жизнь сдѣлалась тягостнымъ бремя-

немъ. — Будь щастлива въ семь свѣтѣ
и забудь, что въ немъ же былъ когда-то
и твой вѣрный

Θεοδοσίη.

Сіе письмо доставлено было Констанціи въ томъ же вечеръ; она его развертываетъ, читаетъ и падаетъ въ обморокъ. — На другій день по утру еще болѣе встревожили ее посланные, кои пришли освѣдомиться: не слыхалъ ли кто чего нибудь о Θεοδοσίѣ, который въ полночь по видимому оставилъ родительскій домъ и неизвѣстно куда скрылся? ибо глубокая задумчивость, нѣсколько уже времени имъ обладавшая, заставляла ихъ опасаться, — что бы онъ не сдѣлалъ чего нибудь съ собою. Констанція была безутѣшна зная, что ничто другое не могло его довести до такой крайности, — кромѣ извѣстія о ея замужствѣ. Тутъ она обвиняла себя, что такъ легко и необдуманно согласилась на волю отца — и почитала новаго жениха своего убійцею своего милаго Θεοδοсія. Ипакъ она рѣшилась лучше перенести гнѣвъ родителя, нежели

согласиться на замужство, — которое ей казалось ужаснымъ и преступнымъ.

Отецъ ея видя, что опъ Θεодосїя совершенно освободился и при томъ радуясь, что сохранить значительную часть имѣнїя своего, — не слишкомъ огорчался упорствомъ дочери; онъ такъ же не нашель большаго затрудненїя извиниться въ семъ случаѣ и предъ будущимъ своимъ зятемъ, — который самъ не изъ любви къ Констанцїи, а имѣя въ виду только выгоды богатства желаль вступить въ родство съ симъ домомъ.

Но Констанцїя находила облегченїе и удовольствїе въ одной религїи, и среди своего нещастїя предалась ей совершенно. Наконецъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, почувствовавъ облегченїе въ своей жестокой печали и успокоивши мысли, рѣшилась она остальные дни жизни провести въ монастырѣ. Отецъ и сею рѣшительностїю Констанцїи не былъ огорченъ: ибо корыстолюбивая душа его занималась единственно своими доходами; — и онъ охотно согласился на ея намѣренїе,

Итакъ на двадцать пятомъ году ея возраста, когда красота была еще во всемъ своемъ цвѣтѣ, повезъ онъ Констанцію въ сосѣдственный городъ, — что бы отплатить тамъ въ дѣвичій монастырь. Въ семъ городѣ находилась одна духовная особа, прославившаяся своимъ благочестіемъ и примѣрною жизнію: а такъ какъ въ Римской церкви устроенъ обрядъ, что бы имѣющіе какую нибудь сильную печаль или беспокойствіе въ мысляхъ приходили къ знаменитымъ духовникамъ просить или прощенія въ своихъ грѣхахъ, или только утѣшенія; — то и наша прекрасная отшельница рѣшилась симъ воспользоваться и изповѣдаться у сего славнаго духовника.

Но возвратимся къ Θεодосію: онъ въ пошъ же вечеръ, когда посланные о немъ развѣдывали, пришелъ въ монашескую обитель города, — куда послѣ отецъ привезъ Констанцію; и желая тайну сердца своего сокрыть отъ всѣхъ навсегда, принявъ тамъ на себя монашескій образъ. Онъ далъ себѣ также клятву — никогда ни у кого не спрашивать о Констанціи;

ибо увѣренъ былъ въ томъ, что она въ самый вечеръ его удаленія обручена сопернику, — а по слухамъ заключалъ даже и о ея бракѣ. Съ первыхъ лѣтъ своей молодости Θεодосій дѣлалъ великіе успѣхи въ наукахъ, бывъ по чувствамъ сердца своего склоненъ къ благочестію; а потому очень не трудно ему было занять мѣсто въ семъ новомъ для него духовномъ обществѣ. При томъ же въ короткое время онъ тамъ прославился святостію жизни и кротостію чувствъ, — кои даже внушалъ онъ и тѣмъ, съ кѣмъ обращался. И онъ-то былъ тотъ самый почтенный мужъ, у котораго Констанція рѣшилась изповѣдаться; хотя ни она — ниже кто другой, кромѣ настоятеля монастыря, не зналъ ни его настоящаго имени — ни фамиліи. Впрочемъ и самая наружность его скрывала: на мѣсто веселаго и любезнаго Θεодосія былъ уже благочестивый и смиренный отецъ Францискъ; борода, обстриженные волосы и монашеская одежда ни малѣйшихъ не являли и слѣдовъ свѣтскаго человека! — Въ одно утро, когда онъ находился

въ своемъ изповѣдномъ припворѣ, Констанція преклоня колѣна открыла ему состояніе души своей; разказывая исторію своей невинной жизни, она пролила слезы; коснулась и тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ самъ много участвовалъ. „Я думаю, говорила она, что мой поступокъ можетъ быть причинилъ смерть человѣку, — неимѣвшему другаго порока, кромѣ любви ко мнѣ. Одному Небу извѣстно, сколь онъ для меня былъ дорогъ во время жизни своей и сколь горестно воспоминаніе о немъ!.. Она остановилась, обратила глаза орошенные слезами къ небу; потомъ устремила ихъ на изповѣдника, — который столько былъ пронутъ ея горестію, что насилу могъ говорить. Однакожъ, голосомъ прерываемымъ вздохами и стenanіемъ, просилъ онъ продолжать; — она согласилась и со слезами открыла ему свое сердце. Изповѣдникъ не могъ удержаться, чтобы громко не зарыдать; но Констанція причитала это доброй душѣ сего человѣка, пронутой ея разкаяніемъ. Она съ ужасомъ разказала всѣ обстоя-

шельства мнимаго своего преступленія; и наконецъ съ сокрушеннымъ сердцемъ объявила о намѣреніи сохранить непорочность и посвятить себя уединенію, — дабы загладить свой проступокъ и принести единственную жертву, оставшуюся въ ея возможности, памяти Θεодосія. Сей отецъ, удерживавшій себя до сихъ поръ, вдругъ залился слезами, — услыша имя, отъ котораго онъ такъ давно отвыкъ и увидя сшоль неподражаемую вѣрность въ той, которую онъ уже нѣсколько лѣтъ почиталъ принадлежащею другому. Въ семъ жалостномъ состояніи онъ могъ только сказать Констанціи: чѣмъ она старалась уменьшать свою горестъ, что ея грѣхи ей отпущены, что ея преступленіе не такъ важно — какъ она себѣ его представляетъ, что она не должна совершенно предаваться унынію. Онъ столько еще сохранилъ присутствія духа, что могъ надлежащимъ образомъ дать ей отпущеніе и посовѣтовалъ придти опять въ слѣдующее утро, — дабы еще болѣе укрѣпить ее въ благочестивыхъ намѣреніяхъ и дать ей пристойныя прави-

ла, какъ себя вести въ семь состояній. Констанція отправилась и на слѣдующее утро явилась къ нему опять. Θεодосій, размысливши напередъ о семь основательно, внушилъ ей: какимъ образомъ вести себя въ жизни ея теперь избираемой и изгнать ложный страхъ овладѣвшій ея мыслями; онъ заключилъ шѣмъ, — что будешь продолжать свои увѣщанія, когда она надѣнетъ на себя покрывало. „Успавъ нашихъ (Англинскихъ) монашескихъ орденовъ не позволяешь мнѣ больше васъ видѣть: но вы можете быть увѣрены, что не только займете первое мѣсто въ моихъ молитвахъ; но даже я буду дѣлать вамъ наставленія и пересылать оныя чрезъ письма. Шествуйте съ веселіемъ по славному пути вами избранному; и обрѣтете такое спокойствіе и утѣшеніе въ душѣ, котораго ничто на свѣтѣ не можетъ вамъ доставить.“

Сердце Констанціи столько было возвышено наставленіями отца Франциска, что на слѣдующій же день исполнила она свой обѣтъ; и какъ скоро церемонія кончилась ея принятія, вмѣстѣ съ Игуменьею

по тамошнему обыкновенію удалилась она въ свою келію.

Игуменья въ ту же ночь была увѣдомлена о всемъ, что происходило между ея новою сестрою и отцемъ Францискомъ, — отъ котораго и вручила ей слѣдующее письмо :

„Сообщаю вамъ, — какъ первый плодъ тѣхъ утѣшеній и удовольствій, которыхъ вы можете ожидать въ избранной вами жизни, — увѣдомленіе : что Θεодосій, коего смерть столь тягостна вашему сердцу, еще живъ; и что духовникъ васъ изповѣдывавшій — былъ нѣкогда сей самый Θεодосій, котораго вы оплакиваете. Взаимная наша любовь сдѣлаетъ насъ гораздо щасливѣе своею неудачею, нежели сколько бы она могла ошасливитъ своимъ успѣхомъ. Провидѣніе все располагаетъ къ нашей пользѣ, но не всегда по нашему желанію. . . . Почитайте и теперь вашего Θεодосія умершимъ; но будьте увѣрены въ томъ, который не престанетъ молиться о васъ, въ ошцѣ,

Францискъ.

Констанція видя почеркъ письма совершенно сходный съ содержаніемъ онаго и разсуждая о голосѣ, поступкахъ особливо же о чрезмѣрной печали духовной особы во время ея изповѣди, — во всемъ узнавала своего Θεодосія. — Довольно! сказала она; онъ живъ, — и я буду жить съ веселіемъ, умру спокойно! —

Письма, которыя онъ писалъ къ ней, хранятся и до сихъ поръ въ монастырѣ, — гдѣ она находилась и читаются всѣмъ вновь поступающимъ монахинямъ для внушенія имъ благихъ намѣреній и чувствъ добродѣтели. Констанція находилась въ монастырѣ уже около 10 лѣтъ; какъ заразительная болѣзнь распространилась въ семь мѣстѣ, изстребила великое множество людей, а въ томъ числѣ и Θεодосія. — Будучи на смертномъ одрѣ прислалъ онъ въ самыхъ чувствительныхъ выраженіяхъ благословеніе Констанціи, которая и сама также давно страдала отъ сей ужасной болѣзни и въ то время была безъ памяти. Во время облегченія, обыкновенно въ такихъ болѣзняхъ бывающаго передъ смертію, игуменья ска-

зала ей какъ безнадежной и уже оставленной Докторами: что Θεодосій только что скончался, и въ послѣднιά минуты жизни своей прислалъ ей благословеніе. Констанція приняла оное съ радостію. „Теперь, сказала она, прошу васъ еще исполнить мое послѣднее желаніе, — если оно не противно законамъ благопристойности: погребите меня подлѣ Θεодосія; мой обѣтъ не простирался далѣ гроба, и о чемъ я прошу — это кажется не можетъ быть нарушеніемъ онаго.„ Она вскорѣ послѣ того скончалась и была погребена согласно желанію своему подлѣ Θεодосія. Ихъ гробницы и до сихъ поръ еще можно видѣть съ Латинскою надписью слѣдующаго содержанія:

„Здѣсь почиваютъ тѣла отца Франциска и сестры Констанціи. Во время жизни они были вѣрны другъ другу; они неразлучны и по смерти.„

(Съ Англичскаго) Гл. III—я.
